

КОНЦЕПТУАЛЬНОСТЬ ИНТЕРТЕКСТА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В РОМАНЕ З. ПРИЛЕПИНА «ОБИТЕЛЬ»

Аннотация.

Актуальность и цели. Актуальность связана с изучением последнего романа Захара Прилепина «Обитель» (2015 г.), получившего всеобщее признание и высокую оценку литературоведов, но не изученного в должной мере. В романе «Обитель» поднимаются самые насущные проблемы современности, среди которых главное место занимает объективная оценка сути исторического пути России, национальной идентичности. Цели исследования – обнаружить теснейшую связь русской литературы классического периода (Ф. М. Достоевский), периода 1920–1930-х гг. (Е. И. Замятин) и русской новейшей литературы конца XX – начала XXI в. (Захар Прилепин).

Материалы и методы. Методология исследования включает историко-сравнительный метод, интертекстуальный и герменевтический методы изучения литературного произведения.

Результаты. В статье выявляется и анализируется интертекстуальный творческий диалог, ведущийся Захаром Прилепиным с художественными идеями Ф. М. Достоевского, выраженными в романе «Братья Карамазовы», а также с романом-антиутопией «Мы» Е. Замятина. Сопоставляются образы начальника Соловецкого лагеря Эхманиса, Благодетеля из романа «Мы» Е. И. Замятина и Великого инквизитора Ф. М. Достоевского. В результате делается вывод, что поэма «Великий инквизитор», являясь для Е. Замятина и З. Прилепина творческим импульсом на страницах их произведений, была переосмыслена, углублена, а у писателя XXI в. были заострены те реальные аспекты проблем человечества, которые проявились в период действия концлагеря в Соловецком монастыре. Захар Прилепин продемонстрировал с позиций современности абсурдность «рассудочного рая» (Замятина); «фабрики по перековке человека» (Прилепина), превратившихся в «кромешный ад», грозящий духовной гибелью человечеству.

Выводы. Изучение способов интертекстуального воздействия и осмысления образов и идей Ф. М. Достоевского в романе-антиутопии Е. И. Замятина «Мы» и романе Захара Прилепина «Обитель» позволяет сделать вывод, что русские художники слова XX–XXI вв. развивали и углубляли художественную идею, идущую от Ф. М. Достоевского, об опасности антиномии свободы человеческой личности, предполагающей как возможность приближения к губительному идеалу «человекобожества», так и возможность следования высшей правде «богочеловечества».

Ключевые слова: интертекст творчества, аллюзии, реминисценции переключки, культурные отсылки, Евангельский контекст, варьирование сюжета, творческий диалог.

F. M. DOSTOYEVSKY'S INTERTEXT CONCEPTUALITY IN THE NOVEL "ABODE" BY Z. PRILEPIN

Abstract.

Background. The research studies the last generally recognised novel by Zakhar Prilepin "Abode" (2015) what explains its relevance. The novel "Abode" raises the most acute problems. Among these problems the objective evaluation of the essence of Russia's historical path, the national identity are placed in the forefront. The aim of the research is to reveal the close connection between the Russian classic literature (F. M. Dostoyevsky), the literature of 1920–1930s (E. I. Zamyatin) and the Russian contemporary literature of the late 20th – early 21st centuries (Zakhar Prilepin).

Materials and methods. The methodology of the research included historical-comparative, intertextual and hermeneutic methods of studying literary works.

Results. The article is focused on revealing and analyzing the intertextual creative dialogue of Zakhar Prilepin and F. M. Dostoyevsky's literary ideas, expressed in the novel "Karamazov Brothers", and with the novel-distopia "We" by Zamyatin. The images of Ekhmanis, the commander of the Solovky prison camp, the benefactor in the novel "We" by Zamyatin and the F. M. Dostoyevsky's Grand Inquisitor are compared. As a result it is concluded that the poem "Grand Inquisitor", being a creative impulse for E. Zamyatin and Z. Prilepin in their works, was deepened, reinterpreted, and the writer of the 21st century emphasized those real aspects of problems of humanity that had become apparent while the Solovki Concentration Camp in the Solovetsky Monastery was operating. Zakhar Prilepin demonstrated from the modern point of view the absurdity of "paradise rationality" (Zamyatin); "the factory of human reforging" (Prilepin) that turned into the "devil's delight", impending spiritual death of mankind.

Conclusions. Studying the ways of intertextual influence and interpreting images and ideas of F. M. Dostoyevsky in the novel-distopia "We" by E. I. Zamyatin and the novel "Abode" by Zakhar Prilepin allows to make a conclusion that Russian literary artists of 20th – 21st centuries have developed and deepened the literary idea, originated by F. M. Dostoyevsky, about the danger of antinomies of human personality's freedom that presumes the possibility of approaching the baneful ideal of men-godhood as following the "ultimate truth".

Key words: intertextuality in literary works, allusions, reminiscence, cultural references, Evangelical context, plot variation, creative dialogue.

Известно, что интертекстуальность – это принципиальная открытость материала, пропитывающего собою текст, что интертекстемы позволяют наиболее глубоко осознать замысел автора.

Каким бы незначительным ни казался какой-либо интертекстуальный элемент сам по себе, его взаимодействие с другими элементами в тексте может иметь важный смысл, являясь знаком определенной культурной ситуации, притягивающим в смысловую систему произведения целую парадигму исторических, биографических, литературных и образных ассоциаций.

«Интертекст – способ построения художественного текста, состоящий в том, что вводимые цитаты и реминисценции из других произведений становятся залогом самовозрастания смысла» [1, с. 155] первоначального текста, при этом цитируемый текст присутствует неявно, его надо обнаружить и объяснить.

Так, обращение к личности, биографии и творчеству Ф. М. Достоевского в нескольких цитатах и аллюзиях оказывается очень важным для осмысления образа Эйхманиса в романе Захара Прилепина «Обитель».

Произведение это имеет сложную архитектуру, направленную на более глубокое понимание авторской позиции, которая реализуется не только через художественный текст, но и через четыре документальные вставки. Только одна из них помещена собственно перед романом, а три остальные следуют после двух книг. Заключает произведение эпилог, в котором вновь продолжается сюжет «Обители» [2]. Такая композиция создает эффект непрерывности и нераздельности художественного и документального текста, что доказывает важность историзма в повествовании.

В преамбуле, названной «От автора», кратко изложены воспоминания о прадеде писателя, сидевшем в Соловках, и формулируется проблема исторической памяти.

«Послесловие» посвящено описанию процесса поиска документов об Эйхманисе – начальнике соловецкого лагеря и его окружения. Здесь обозначено авторское представление об особенностях «русской истории и русского человека» [2, с. 696–705].

В документальном приложении «Дневник Галины Кучеренко» проявляются черты личности Эйхманиса через восприятие страстно любящей его соратницы.

Раздел «Некоторые примечания» отдан для пересказа документальных сведений о дальнейших судьбах центральных героев: Галины (очень кратко, 5 строк), Эйхманиса (подробно, 12 страниц) и остальных персонажей (кратко, всех вместе – 45 строк): А. П. Ногтева, Г. И. Бокия, Н. А. Френкеля, Шлабуковского и Артема.

При этом доля «присутствия» Эйхманиса в художественном тексте романа чрезмерно мала: примерно двенадцать из более семисот страниц текста романа «Обитель». Приведенные подсчеты, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что для Прилепина была особенно важна историческая точность фигуры начлагеря в аспекте влияния его идей и поведения на окружающих людей.

В статье А. Жучковой «Вегетарианские двадцатые» в «Обители» Захара Прилепина» было обращено внимание на особое «магическое тяготение» к Эйхманису, обладавшему «непоколебимой властью», молодых героев романа Галины и Артема: автор статьи уверена также, что начлагеря подвергается Прилепиным «эстетизации» [3, с. 166], с чем нельзя согласиться.

Разобраться в оценке личности Федора Ивановича Эйхманиса позволяет, по нашему убеждению, культурная отсылка Захара Прилепина к образу Великого инквизитора из романа «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского и в целом анализ «достоевского интертекста» в «Обители».

Аллюзия на поэму «Великий инквизитор», в которой Прилепин подчеркивал: «Эйхманис на фотографиях был похож на инквизитора, но не в черном колпаке, в белой меховой дохе» [2, с. 699], возникает в документальном разделе произведения, но образ писателя Достоевского как «владельца душ» молодежи появляется значительно раньше, еще в художественном повествовании. Причем парадоксальным образом Эйхманис противопоставляет творчество и жизнь Достоевского «святым сказкам» отца Феофана, объявляя по сути христианские идеи писателя-классика атеистическими [2, с. 276].

Эйхманис, сама фамилия которого для Артема «звучала, как взмах ножниц, которыми отрезают голову» [2, с. 341], внезапно предлагает вспомнить не «прочитанного» им Достоевского, а пребывание на каторге, где у писателя были кандалы и где «всех секли, как детей» [2, с. 276]. Демагогически Эйхманис противопоставляет царской тюрьме Соловецкий концлагерь, где были, по его словам, мягче условия проживания. Но Артем не замечает ни лжи, ни манипулирования словами, поддерживая рассуждения Эйхманиса, чтобы еще больше ему понравиться: «Артема пьянила “восхитительная бредовость самой ситуации” – обедать с самим начлагеря» [2, с. 257]. Он чувствует, что из «твари дрожащей» стал «право имеющим».

Неоднократно в нашем литературоведении было отмечено воздействие Достоевского, в частности его поэмы «Великий инквизитор», на многих русских писателей. Например, роман Замятина «Мы», на наш взгляд, находится в творческой полемике с этим произведением. Замятин создает целую систему аллюзий, реминисценций, скрытых и явных цитат, переключек эпитетов, отсылок к произведению Достоевского. То же самое можно сказать о романе З. Прилепина «Обитель», в котором описана историческая эпоха 1920-х гг.

Как и для Достоевского, для Замятина и Прилепина было важно создать эффект единства вечного и сиюминутного, прошлого и будущего, поэтому в центре этих произведений стоит единая глобальная проблема: поиски истинного пути человечества. Писатели широко используют библейский фон для своего повествования, зачастую воспринятый через интертекст Достоевского. По сути, и автор романа «Мы», и создатель романа «Обитель» показали, что будто по программе Великого инквизитора в реальном историческом времени разворачиваются, додумываются и наполняются содержанием идеи демонического героя Достоевского по преобразованию человеческого стада.

И Благодетель Замятина, и Эйхманис Прилепина – это один тип человекобога, который восходит к Великому инквизитору Достоевского: эти герои стремятся отнять у человечества «волю» и переделать человека по-своему. Но вместо «математически безошибочного рая» (Замятин), «фабрики по перековке» (Прилепин) эти «полубоги» создают «механический ад» (Замятин), «фантазмагорию цирка в аду» (Прилепин).

О том, что Эйхманис считает себя «Благодетелем» и «человекобогом», говорит и то, что он кощунственно применяет к себе слова Христа: «Иго мое благо, хочется прежде всего о душах ваших думать...» [2, с. 390].

Влияние образа Великого инквизитора на образ Эйхманиса заметно в деталях портретных характеристик, сюжета, действий героя, в его высказываниях. Подчеркиваются портретные описания, прежде всего глаза героев. У Достоевского в поэме «Великий инквизитор» «глаза впалые», «взгляд сверкает зловещим огнем» [4, с. 227]. У Эйхманиса подчеркнута отраженная в глазах гордыня: «надменные, усталые глаза» [2, с. 226], «совершенно безумные глаза» [2, с. 271], «недвижимые глаза» [2, с. 61]. Зловещий характер внешности прилепинского персонажа шире: «в лице его было что-то неприятное и болезненное» [2, с. 61], «голос жестяной и бешеный» [2, с. 278], «словно он был иностранец» [2, с. 284], морщины на лице Эйхманиса «складываются так, как будто добра в нем много, хотя меньше, чем своеволия и бешенства» [2, с. 720]. Эйхманис очень противоречив: говорит тихо, приветливо, но вдруг орет, как бешеный, при этом заключенные застывают, «как

пробитые двумя гвоздями насквозь», а Артем был в этот момент «как в загоревшейся одежде» [2, с. 60].

Прилепин явно ужесточает облик Эйхманиса, как это сделал и Замятин. У Достоевского Инквизитор – «это девяностолетний почти старик, высокий и прямой, с иссохшим лицом, со впалыми глазами, но из которых еще светится, как огненная искорка, блеск... он хмурит седые брови свои» [4, с. 227].

Автор романа «Мы» настойчиво подчеркивает обезличенность и каменную тяжеловесность внешности Благодетеля, («чугунные шаги», «медленный тяжкий жест», «чугунный жест нечеловеческой руки», «каменный, как судьба, Благодетель», «неподвижная, как из металла, фигура»). У «человекобога» Замятина «лица не разобрать», «лицо в тумане», «видно только, что оно ограничено строгими, величественными, квадратными очертаниями» [5, с. 342].

До предела преувеличена сила воли и целеустремленность Благодетеля, которые отличаются «кровожадностью» и «фанатизмом» (герой сравнивает себя с охотником, освежавшим добычу – человечество и разделившим его на куски. «Тушу пойманного человечества» он «разделяет с сатанинской гордыней») [5, с. 368].

Если у Достоевского Инквизитор по-своему сострадает людям, презрительно считая их «слабосильными», то Благодетель и Эйхманис совсем не знают жалости. Благодетель уничтожает в газовом колоколе всех непокорных, а Эйхманис устраивает «эстетическую живодерню» в концлагере. Если герой романа «Братья Карамазовы» называет Бога «великим идеалистом», слишком высоко оценивающим людей, то герой романа «Мы» нарекает Бога «палачом», автором «великой трагедии человечества» [5, с. 368]. Эйхманис же настолько циничен в своем «своеволии», что заявляет, что «пролетариат лучше Христа» [2, с. 271], прикрывая клумбами роз и театрами надругательство над личностью.

Презирая Бога, Благодетель уверен, что устроил «рай на земле – Единое государство по божьему проекту»: «Вспомните: в раю уже не знают желаний, не знают жалости, не знают любви, там блаженные с оперированной фантазией (только потому и блаженные) – ангелы, рабы Божьи...» [5, с. 368], что придает ему уверенности в своем превосходстве над Богом. Прилепинский человекобог уверен, что за десять лет выбьет из России нутро, для этого храмы превратили в узилища, «в конюшню, псарню, скотобойню», «мясорубку» [2, с. 186]. Якобы заботясь о спорте, Эйхманис устраивает из людей «петушиные бои», делает их «страсготерпцами спорта» [2, с. 208]. Трех беспризорников, убивших и сожравших одну соловецкую чайку, с ведома Эйхманиса поставили «на комарика» [2, с. 56] и чуть не убили. За то, что один (из многих) лагерник тихо поприветствовал его, Эйхманис всех и даже взводного сажает в карцер, обрекая на верную гибель [2, с. 254]. Все жесточайшие действия персонажа направлены на то, чтобы создать «общий и согласный муравейник» [4, с. 235], говоря словами Достоевского.

Прилепин сопровождает поступки начлагеря репликой: отец Феофан смотрел в окно, «будто ожидая рассвета – с рассветом, говорят, пропадает любая нечисть» [2, с. 274]. На лицо негативная авторская оценка Эйхманиса-«эстета».

Исследователи, обращавшиеся к творчеству З. Прилепина, также недоумевали, задавая себе вопрос о смысле и причинах особой любви Эйхманиса к чайкам [3, с. 167]. Представляется, что была частично права Галина, предполагая внешнее сходство начлагеря с чайкой [2, с. 633]. Думается, что сходство это имеет и внутренний характер.

Чайка, действительно, может быть символом жизни «человекобога» Эйхманиса. В романе «Обитель» не случайно на театральном занавесе созданного им театра начлагеря повесил чайку, напоминая не только о триумфе знаменитой чеховской пьесы. У Чехова чайка – это символ красоты, свободы, счастья и несбыточной мечты. Но чайку погубил человек «от нечего делать» [6, с. 82]. Очевидно, в чеховской пьесе, которая названа автором комедией, а на самом деле является трагедией, Эйхманис провидел свою судьбу: ведь его идеалистическая мечта о создании идеального государства тоже обернулась гибелью: кошмаром предательства, позора, пыток, расстрела.

Свободный полет «гордой» чайки был прерван «неожиданными зигзагами чудовищной и ошеломительной», по словам Прилепина, его биографии [2, с. 733]: он был в 1938 г. расстрелян на Бутовском полигоне [2, с. 741].

В связи с этим думается, что совсем не случайно при первом появлении Эйхманиса в романе «Обитель» звучит следующая фраза: «Отчего-то начлагеря ценил чаек, эту крикливую и наглую соловецкую породу, необъяснимо. За убийство чайки полагается карцер, то есть медленная смерть» [2, с. 17].

По словам Галины, Эйхманис часто говорил, что устроил на Соловках диктатуру. Он не искал себе оправдания, а «уверял всех в своей бесконечной правоте» [2, с. 721] – первый признак непомерной гордыни «человекобога». Галина приводит тоже свидетельство, что Эйхманис, узнав о множестве правонарушений, сказал ей: «Чтоб все было в порядке – надо расстрелять всех чекистов. Потому что все сюда присланные – штрафники, садисты и негодяи, перевоспитывать их нет смысла» [2, с. 709].

Главный принцип Эйхманиса – «хочу – помилую, хочу – казню» [2, с. 733]. Он иногда думает, что возможно переделать людей, но если не получается, то «он ломает человека или сразу несколько человек, как ребенок ломает игрушку, <...> и не придает потом никакого значения тому, что он сломал» [2, с. 725]. Мечта создать «фабрику по перековке людей» обернулась крахом, в том числе и потому, что была основана не на любви к людям, а на презрении к ним, к их свободе, «на бесчинстве свободного ума» [4, с. 235].

Прилепин, как и Замятин, понимает антиномичность свободы. Об этом написали Ф. М. Достоевский в «Записках из подполья» и Е. И. Замятин в романе «Мы».

Совмещение рационального и иррационального в природе человека, по мнению обоих писателей, ведет к двум роковым соблазнам, искушениям, которые определяют трагическую судьбу человечества: «соблазн отвлеченного человеческого ума духом революционной утопии» и «соблазн человеческого сердца паучьим сладострастием» [7, с. 347]. Жертвой первого искушения стал Эйхманис и миллионы русских людей, испытавшие магнетизм большевистской власти. А последствия второго искушения выразительно показаны на примере жизни Артема Горяинова.

Н. А. Бердяев писал в связи с этим: «От жадности к жизни, от любви к этому миру человек потерял равновесие и опрокинут. Миром овладел поли-

демонизм, от которого освободило человечество христианство <...>. Человек открылся для всякого рода демоники, <...> человек делается одержимым или элементарными космическими теллурическими силами земли, расы, народа, пола, или элементарными социальными силами экономических интересов, денег, класса, социальной группы, партии. Но духовно человек совершенно дезорганизован. Человеку вновь придется вернуться к единобожию или разложиться окончательно, расплыться на космические элементы, принудительно организованные в социальные коллективы» [8, с. 438].

З. Прилепин в «Обители» и Е. Замятин в романе «Мы» вслед за Ф. М. Достоевским подводит нас к выводу, что опасная антиномия свободы человеческой личности предполагает и возможность приближения к идеалу «богочеловечества», и возможность «загубления Божьей идеи»: следование по гибельному пути «человекобожества» [4, с. 235]. Второй путь изображен у Прилепина. Инквизитор говорил, что «непокорные и свирепые истребят себя самих» (Мезерницкий, Бурцев); «непокорные но малосильные истребят друг друга (Вершинин, Афанасьев) [4, с. 235]; «оставшиеся, слабосильные и несчастные приползут к ногам нашим <...> ибо они только жалкие дети» (Артем Горяинов) [4, с. 236]. А «дети свободы», кто «вытерпел крест твой», – это отшельники, владычка Иоанн, отцы Зиновий и Феофан [2, с. 234].

Замятин и Прилепин показали, что «соблазн разума», претворенный в форму Единого государства, не смог дать нумерам счастья и переделать их: все равно среди них возникают своевольные единичные бунты. Разумно организованное человечество рвется за Зеленую стену, где осталась «дикое человечество», живущее по природным законам. Строитель Д-503 успокаивает себя: «К счастью, это только мелкие аварии деталей: их легко отремонтировать, не останавливая вечного, великого хода всей Машины. И для того, чтобы выкинуть вон вогнувшийся болт, у нас есть такая искусная, тяжкая рука Благодетеля, у нас есть опытный глаз хранителей...» [5, с. 556]. На самом деле, как видно из сюжета «Обители», крах ждет всех.

Личность – микрокосм вселенной – сведена при таком «разумном» подходе до значения «погнувшегося болта», а свобода стала синонимом рабства.

Достоевский в «Записках из подполья» устами своего героя утверждал, что даже смирение и покорность возможны только через своеволие – иначе они не имеют цены. Никто сильнее и убедительнее, чем Достоевский, не изображал саморазрушительности своевольной свободы, не показал с такой художественной страстностью, как протестант превращается в «подпольного человека» и начинается «мистическое разложение», распад личности, как, говоря словами Г. В. Фроловского, «одинокая свобода оборачивается одержимостью, упрямый протест разрешается внутренним пленом. И более того, свобода превращается в принуждение и насилие» [9].

Замятин, как видно из концепции образа I-330, согласен с Достоевским, что свободным быть опасно. Но еще опаснее лишить человека свободы. Свобода должна быть внутренне ограничена самой личностью. Иначе она превращается в свое отрицание. Свобода без смирения делает личность рабом страсти или идеи. Д-503 – раб страсти, а I-330 – раба идеи в романе «Мы».

У Прилепина центральный персонаж Артем Горяинов и раб страсти, и раб идеи, что губит его. Но герой в конце концов находит в себе силы для принятия в сердце, очищенное страданием, жертвенную, милосердную любовь.

«Антиномия человеческой свободы разрешается только в любви. Несвободная любовь вырождается в страсть, страсть становится началом порабощения и насилия – и для любимого, и для влюбленного. <...> Великий инквизитор для Достоевского есть прежде всего жертва любви, несвободной любви к ближнему, любви к несвободе, любви через несвободу. Такая любовь выгорает, выжигает воспаленное сердце и сжигает мнимо любимых – убивает их обманом. Истинная любовь возможна только в свободе, только как любовь к свободе человека. Здесь раскрывается нерасторжимая связь: любовь через свободу и свобода через любовь» [9], – такой вывод сделал русский философ Г. В. Фроловский в результате анализа произведений Достоевского, а Евгений Замятин и Захар Прилепин эту мысль художественно воплощают в образах своих главных героев.

Прилепинский Эйхманис так и не понял значимость любви и свободы, ненавидя все человечество. Он говорил: «Ф. [Федор Эйхманис]: Семь тысяч человек, у каждого бессмертная душа, а я взял ее в плен. Душа томится, стремится вверх и во все четыре стороны. Но если я на минуту ослаблю пальцы – леопарды съедят попов, штрафные чекисты убьют леопардов, а потом их съедят каэры, а тех передуют политические из социалистов» [2, с. 719].

Эту страшную и опасную мысль Галина повторяет почти дословно: «Здесь у каждого незримое кольцо в губе. Надо – беру за кольцо и веду к яме. Я тоже замечала: заключенные нелепы в своих попытках спрятаться, при этом походя на редиску: у каждого торчит из земли хвост. Я могу это сделать с любым тут» [2, с. 716]. Понимает это и Артем: «От того, что Эйхманис тебя на минуту пригрел, и твоя жалкая человеческая душа сама себе вставила кольцо в губу – и бегаешь за тенью хозяина...» [2, с. 431]. Но персонаж старается отогнать от себя эту «издевательскую», по его словам, мысль, потому что жизнь физическая была для него намного важнее, чем бессмертная душа. Поэтому герой поддерживает Федора Эйхманиса, мечтавшего выбить колуном «нутро Росси» и наполнить «другими внутренностями» [2, с. 722]. Для этого и создается СЛОН – концлагерь, «фабрика по перековке людей». Артем говорит: «Здесь создают фабрику людей <...> А здесь дается выбор: либо становись человеком, либо... – Ага, либо мы тебя перемелем в порошок, – добавил Эйхманис» [2, с. 267]. Здесь все «свое»: «Государство в государстве, – сказал Артем. – И на всем этом вы создаете нового человека. Это – цивилизация!» [2, с. 267]. «Это не лагерь, а лаборатория», – уточняет Эйхманис [2, с. 268].

В чем же суть этого уточнения? Слово «фабрика» происходит от латинского «мастерская», означает промышленное предприятие с машинным способом производства [10, с. 728]. «Лагерь – 1. Временная стоянка, часто под открытым небом. 2. Учреждение, в котором собраны люди для проведения мероприятий. 3. Место содержания заключенных» [10, с. 381]. «Лаборатория – 1. Подразделение, где занимаются научными опытами. 2. Помещение для таких опытов, исследований. 3. Переносное значение – внутренняя сторона, механизм чьей-нибудь творческой деятельности» [10, с. 380].

Как видим, Эйхманис настаивает на последнем определении своей деятельности, потому что он хочет, чтобы его воспринимали как творческую личность, культурного человека, «эстета», занимающегося великим делом, которое под силу лишь божеству. Ведь это он, по его убеждению, ведет экс-

перимент по созданию нового человека. Выбирая слово «лаборатория» персонаж доказывает тем самым, что он ощущает себя «человекобогом». Тщетность такой попытки для земного человека обнаруживает отец Зиновий, говоря с горечью: «Алфавита не знает человек, а хочет объяснить Бога, а Богу можно только внимать» [2, с. 158].

Истинная бесовская сущность начлагеря обнаруживается после покушения на него, совершенное Мезерницким. Когда всех заключенных согнали на плац, то «в южные Иорданские, всегда закрытые ворота прямо на коне влетел Эйхманис. – На колени! – в бледной ярости воскликнул он и выхватил шашку из ножен». И «вся Русь» встала на колени: «Все держались за землю, будто в неустанной морской качке» [2, с. 406]. Эйхманис «свирепый пронесся» и «страх, распространенный его движением был вещественным, почти зримый: этот страх можно было резать кусками вместе с людьми: “Рассатанился”, – прозвучал голос владычки Иоанна» [2, с. 406].

Слово «рассатанился» становится ключевым в отношении автора-повествователя к этому персонажу. Этот эпизод является реминисценцией из романа Ф. М. Достоевского. Иван Карамазов объяснял, что добился «подлинной свободы» Инквизитор «согласного муравейника»: «До того уже покорен и трепетно послушен ему народ», что «толпа моментально, все как один человек, склоняется головами до земли пред старцем инквизитором» [4, с. 227].

В романе «Обитель» есть аллюзия на Достоевского – концептуальное, повторенное трижды число. О мучениях и обидах «семи тысяч человек» (столько было заключенных в Соловецком лагере) твердят Галина, Эйхманис и Артем, которому «вроде бы все равно». Смысл высказываний у всех оправдательный. Так Галина и Эйхманис противопоставляют «зло» царской России «добру» большевистской Страны Советов. В разных частях романа в различных вариантах трижды утверждается, что на солонках «обижают семь тысяч человек», «а до сих пор тысячу лет секли всю Россию!» [2, с. 381].

По некоторым данным заключенных было меньше, но звучит именно это число «семь тысяч человек» – очевидно, что это символическая цифра, намекающая на слова Апостола Павла из «Послания к Римлянам»: «Я соблюл себе семь тысяч человек, которые не преклонили колена перед Ваалом. Так и в нынешнее время по избранию благодати сохранился остаток» [11].

Произнося мистическую цифру, три центральных героя романа «Обитель» невольно свидетельствуют о том, что в будущем сохранится святость у «Русского остатка». И действительно, Соловки – особое место в нашем Отечестве, отразившее историю России, служившее ее вещим зеркалом, стало антиминсом под открытым небом, поскольку вся земля здесь полита кровью мучеников. Оттуда и пошло в 1990-е гг. духовное возрождение страны.

Цель, которую ставил Эйхманис и ему подобные – превратить святую Обитель в «монастырь наоборот» – обернулась гибелью тиранов и воскресением тысячелетней традиции православия, укорененной в русском народе.

Эту авторскую мысль выражает и эпилог, зеркально повторяющий многие детали начала книги романа: сбор ягод в лесу; встреча с начлагерем, но уже не с Эйхманисом, а Ногтевым. Но есть и разительное отличие между этими эпизодами: если в преамбуле звучит ложь о Солонках из уст «богомольного палача» Василия Петровича, то в финале пробивается Правда о великой истории святого монастыря из уст отца Зиновия. Он свидетельствует

«о Чуде Господнем», защитившем наше Отечество от нападения английского флота [2, с. 744]. Вновь утверждается неотвратимость духовного возрождения России: «Хотя человек темен и страшен, но мир человечесен и тепел» [2, с. 746], благодаря тем, кто «вынес крест Христов» и не покорился «супостату».

Таким образом, можно констатировать, что исследователь А. Жучкова была права только в том, что увидела экстраполяцию образов «право имеющих» персонажей и в первую очередь Великого инквизитора Достоевского на образ Федора Ивановича Эйхманиса [3, с. 167]. Но необходимо подчеркнуть, что филологический анализ романа показывает, что «трудное уважение» и «магнетизм несомневающейся властности» испытывали к начальнику лагеря только «слабые души» – молодые герои произведения Артем и Галина, но никак не сам повествователь, сопоставлявший его с Великим инквизитором.

Авторская позиция в романе «Обитель» проявлена четко на всех уровнях художественного текста: на уровне композиции, сюжета, мотивной и образной систем, на семантико-метафорическом и символическом уровнях произведения. Эйхманис принадлежит к типу человекобога, описанного у Ф. М. Достоевского (XIX в.) и Е. И. Замятина (XX в.), к которым присоединился в своей поэтико-аксиологической оценке и писатель XXI в. Захар Прилепин, опираясь на творческие результаты своих предшественников и дополняя их существенными наблюдениями с позиции современности. Эстетом богочеловек, погубивший такое количество человеческих жизней, пребывающий в гордыне и ненавидящий ближних своих, быть не может: «красота и злодейство» не совместимы, поскольку первая спасает мир, а второе – уничтожает его, утверждает автор романа «Обитель» посредством интертекста Достоевского, введенного в произведение.

Список литературы

1. Руднев, В. П. Словарь культуры XX века / В. П. Руднев – М. : Аграф, 1999. – 384 с.
2. Прилепин, З. Обитель : роман / З. Прилепин. – М. : АСТ, 2015. – 746 с.
3. Жучкова, А. «Вегетарианские двадцатые» в «Обители» Захара Прилепина / А. Жучкова // Вопросы литературы. – 2015. – № 3. – С. 164–176.
4. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, 1976. – Т. 19. – С. 224–241.
5. Замятин, Е. И. Избранные произведения / Е. И. Замятин. – М., 1989. – 549 с.
6. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / А. П. Чехов. – М. : Наука, 1986. – Т. 13. – 360 с.
7. Степун, Ф. А. Мировоззрение Достоевского / Ф. А. Степун // О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли. – М., 1990. – 386 с.
8. Бердяев, Н. А. Философия свободного духа / Н. А. Бердяев. – М., 1994. – 106 с.
9. Фроловский, Г. В. Религиозные темы Достоевского / Г. В. Фроловский // О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли. – М., 1990. – 386 с.
10. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – М. : Русский язык, 1998. – 849 с.
11. Послание к Римлянам святого апостола Павла. – URL: <https://www.bibleonline.ru/bible/rus/52/01/> – Библия онлайн (дата обращения: 14.10.2015).

References

1. Rudnev V. P. *Slovar' kul'tury XX veka* [Culture Dictionary of XXth century]. Moscow: Agraph, 1999, 384 p.

2. Prilepin Z. *Obitel': roman* [The novel "Abode"]. Moscow: AST, 2015, 746 p.
3. Zhuchkova A. *Voprosy literatury* [Problems of literature]. 2015, no. 3, pp. 164–176.
4. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete works: in 30 volumes]. Leningrad: Nauka, 1976, vol. 19, pp. 224–241.
5. Zamyatin E. I. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, 1989, 549 p.
6. Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.* [Complete works and letters: in 30 volumes]. Moscow: Nauka, 1986, vol. 13, 360 p.
7. Stepun F. A. *O Dostoevskom: Tvorchestvo Dostoevskogo v russkoy mysli* [About Dostoevsky: Dostoevsky's works in the Russian thought]. Moscow, 1990, 386 p.
8. Berdyaev N. A. *Filosofiya svobodnogo dukha* [Philosophy of free spirit]. Moscow, 1994, 106 p.
9. Frolovskiy G. V. *O Dostoevskom: Tvorchestvo Dostoevskogo v russkoy mysli* [About Dostoevsky: Dostoevsky's works in the Russian thought]. Moscow, 1990, 386 p.
10. Krysin L. P. *Tolkovyy slovar' inoyazychnykh slov* [Explanatory dictionary of foreign words]. Moscow: Russkiy yazyk, 1998, 849 p.
11. *Poslanie k Rimlyanam svyatogo apostola Pavla* [Epistle to Romans (Apostle Paul)]. Available at: <https://www.bibleonline.ru/bible/rus/52/01/> – Bibliya onlayn (accessed October 14, 2015).

Попова Ирина Михайловна

доктор филологических наук, профессор,
кафедра русской филологии, Тамбовский
государственный технический
университет
(Россия, г. Тамбов, ул. Ленинградская, 1)

E-mail: kafedraruss@mail.ru

Popova Irina Mikhailovna

Doctor of philological sciences, professor,
sub-department of Russian philology,
Tambov State Technical University
(1 Leningradskaya street, Tambov, Russia)

УДК 82-312.1

Попова, И. М.

Концептуальность интертекста Ф. М. Достоевского в романе З. Прилепина «Обитель» / И. М. Попова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2 (38). – С. 94–104. DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-9